
Г. Цыферов
ТАЙНА
запечного
СВЕРЧКА
Издательство
"Малыш"
1991

Геннадий Михайлович Цыферов никогда сразу не записывал своих сказок и каждый раз рассказывал их по-новому.

— Но вчера эта сказка была лучше! — изумлялся я. — Ты забыл?

— Нет,— отвечал он.— Ничего я не забыл. Я ищу.

И верно: рассказывая сказки друзьям, он каждый раз искал то, чего и нельзя сказать — неизъяснимое: улыбку ветра, память дождя. «Сказка — чудо,— часто говорил Цыферов.— Она должна... являться, понимаешь? Как Золушка!» И невозможно представить его сказки без него самого, без его чудной, смущающейся улыбки, больших мягких губ и того непередаваемого ощущения, что прямо у вас на глазах — вот прямо сейчас! — рождается слово.

Не знаю, как это сказать, но мне кажется, что Цыферов, прежде чем выпустить несколько слов в свет, на какое-то мгновение удерживал их на губах, чуть покусывая, как золотые монеты. Отсюда ощущение, что он искал продолжение фразы — ощупью.

Геннадий Михайлович Цыферов был импровизатором. Импровизаторы — это такие люди, к которым ноты или слова приходят мгновенно, вспыхивая драгоценной бусинкой на незримой нити воображения. И только потом, дойдя до конца, если надо, они более тщательно отделывают своё произведение.

И, конечно же, не случайно он задумал книжку о Моцарте. Моцарт — был великий импровизатор. Цыферов любил Моцарта. Любил его лёгкую, летящую музыку. Любил, возникающую из ничего и уводящую невесть куда, интонацию, потому что она, эта интонация, эта мелодия, как солнце, всякий раз возникает снова.

Последние годы мы реже виделись. И вот как-то случайно встретились у входа в метро. Падал снег. Была оттепель.

— Что делаешь? — спросил я.

— Хожу вот, придумываю... о Моцарте.

Я знал: это была давняя его мечта.

— Книгу?

— Нет,— сказал он, улыбнувшись своей мягкой улыбкой.— Сказку.

Прочитайте эту сказку, ребята. А потом разыщите и прочитайте другие сказки Геннадия Михайловича Цыферова. И вы, я уверен, хоть на мгновение, станете счастливее!

СЕРГЕЙ КОЗЛОВ, детский писатель.

Г. Цыферов
Тайна
запечного
СВЕРЧКА
Маленькие сказки
о детстве Моцарта
Картинки
Г.А.В. Траугот
Издательство „Малыш"
Москва
1991

Небольшое вступление

Как-то совсем недавно я был в концерте. Исполняли Моцарта.

Я слушал музыку и вдруг представил себе старый Зальцбург — родину композитора...

...Полночь. По тихим узким улочкам бредёт ночная стража. Звон её бутафорского оружия пугает запоздалых гуляк. Всплеснув руками, они, точно мотыльки, тычутся носами в освещённые окна. В тёмных садах пахнет ночными фиалками...

Долго не покидала моего воображения эта старинная картина. Временами даже казалось, что я слышу тот фиалковый запах.

Музыка... Наверно, когда-то, выпорхнув из стрельчатых окон, она заблудилась в вечернем саду, да так и осталась там. А теперь, спустя столетия, пришла ко мне, возвратив память о том, что давно ушло, отцвело.

А может быть, не ушло, не отцвело?! Может, по-прежнему живёт тот старый Зальцбург, и в нём — маленький мальчик, по имени Вольфганг Амадей Моцарт? Кто знает...

Я слушаю ту старинную музыку, и, как наяву, предстаёт перед моими глазами и маленький старый домик, и сам маэстрино — весёлый мальчик с тоненькой шейкой, в серебряном паричке, похожий на вербную веточку. Прекрасное видение!..

Я расскажу тебе, мой читатель, о жизни маленького Моцарта.

И если кто-нибудь скажет, что в моих рассказах больше выдумки, чем правды, я отвечу: «Что ж, а музыка Моцарта, разве она не сказочное чудо?!»

О ЗАЛЬЦБУРГЕ И НЕКОТОРЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ РОЖДЕНИЯ НАШЕГО ГЕРОЯ

В те дни Зальцбург был столицей маленького церковного княжества. На карте тогдашней Европы оно выглядело крохотным, не более ноготка. Но ведь его измеряли лишь в ширину и длину. А стоило поднять свой взор выше — и вы немало удивились бы...

Здесь, в Зальцбурге, начинали своё шествие величественные Альпы — одни из самых красивых гор Европы. Каждое утро солнце, точно сиятельный маршал, обходило их стройные ряды и поправляло золотой рукой их белоснежные шапки. А кроме того, у солнца имелось ещё много других дел: заглянуть в каждую улицу, каждый сад, дом и главное — вовремя улыбнуться здешнему владельцу — архиепископу, дабы в княжестве всё шло тихо и спокойно...

Кто никогда не видел архиепископов, может спросить: «А какие они?» Так вот, если на серебряный самовар поставить ромовую бабу и накрыть шёлковой шалью с кистями, — это будет очень похоже. И вся разница лишь в том, что зальцбургский «самовар» умел высокопарно говорить, читать молитвы и тянуть нараспев: «Амен, амен, амен!..» Тем и вызывал он у жителей некоторую почтительность. Ведь тогда любой зальцбуржец обязан был ходить в церковь. А церкви тут громоздились на каждом шагу!

И всё-таки не церквами, не архиепископом, даже не высоким небом славился старинный городок. В самой Австрии о нём говорили так: «Да разве это город? Это настоящая музыкальная шкатулка!»

И в самом деле, как ни сказочно это, но в славном Зальцбурге каждый второй житель плясал, каждый третий — пел и каждый четвёртый — обязательно играл на музыкальном инструменте.

А как пели, играли и плясали зальцбуржцы! Даже строгие церковные кресты и те, казалось, начи-

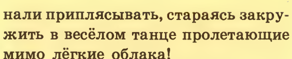

нали приплясывать, стараясь закружить в весёлом танце пролетающие мимо лёгкие облака!

Вот в один из таких танцующих дней и родился Вольфганг Амадей Моцарт.

Судьба, лениво листающая страницы зальцбургской жизни, вдруг остановилась и, сказав «ах!», нежно коснулась рукой колыбели новорождённого: «Знаменитый музыкальный городок будет иметь своего знаменитого композитора!»

Правда, в тот день никто из зальцбуржцев и не подозревал об этом. По-прежнему они пели, плясали, играли, и лишь отец новорождённого, скрипач Леопольд Моцарт, счастливо вздохнув, задумался: «А кем будет мой мальчик? Станет ли он переплётчиком, как все Моцарты, иль, подобно мне, отдаст своё сердце музыке?! Кто знает?..»

И пока всё здесь пребывает в счастливой неизвестности, мы перейдём к следующей главе.

* * *

Ну, конечно, маленький Моцарт стал музыкантом! Мы даже знаем сейчас тот счастливый день и час, когда это произошло.

Среди многих записей старшего Моцарта есть такие волшебные строчки: «Этот менуэт и трио Вольфганггерль выучил 26 января 1761 года в половине десятого вечера в возрасте четырёх лет за день до своего рождения». Так возблагодарим же тот праздничный день и, поклонившись ему, попросим:

— Достопочтеннейший сударь День, а не расскажете ли вы нам более подробно эту историю? Отчего маленький Моцарт стал так рано музицировать? Может быть, здесь есть какая-то сказочная тайна?..

Trio

О СКАЗОЧНОЙ ТАЙНЕ МАЛЕНЬКОГО МОЦАРТА

В тот вечерний час в доме Моцартов было тихо. Закутавшись в папин сюртук, Вольфганг дремал в кресле.

И вдруг! Что бы это могло быть?! Такой долгий и странный звук...

«Наверно, это хрупкий луч луны замёрз и сломался, стукнув в окно...» — подумал Вольфганг.

Малыш встал, чтобы посмотреть, и тут... Да это же сам запечный Сверчок со своей волшебной скрипочкой!

Закинув на плечо полу бархатного плаща, Сверчок отвесил мальчику низкий поклон:

— Добрый вечер, маленький сударь!

— Добрый вечер, — удивился Моцарт.

Запечный Сверчок поднял свою волшебную скрипочку, вскинул смычок... и заиграл...

Он играл так прекрасно, что, не выдержав, мальчик воскликнул:

— Какая прелесть! Никто в Зальцбурге не играет так хорошо! Вот если бы мне стать таким музыкантом!

— А что же вам мешает, маленький сударь? — спросил Сверчок.— По-моему, у вас есть и слух, и сердце.

— Но я ещё маленький! — рассердившись, сказал Моцарт и с досадой топнул ножкой.

Тогда Сверчок тоже топнул ножкой.

— Стыдитесь, я же меньше вас! Мне всего годик, а вам — четыре! И уж давно пора стать настоящим маэстрино!

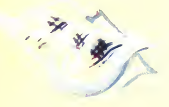
— Вы правы, — смутился Моцарт.— Но ноты. Ах, эти ноты! Я всегда их забываю!

И здесь говорящий Сверчок улыбнулся и сказал:

— Затем-то я и пришёл! Сейчас я сыграю одну волшебную мелодию. Запомните её, и тогда вы будете по-

мнить и все остальные! Слушайте!..

И Сверчок заиграл! Никогда раньше не приходилось Вольфгангу слышать музыку, подобную этой!

Умолк последний звук.

— Прощайте, маэстрино. Надеюсь, со временем, когда вы станете знаменитым музыкантом, вы вспомните обо мне! — сказал Сверчок и, откланявшись, удалился...

Как известно, взрослый Моцарт потом не раз вспоминал с благодарностью своего Сверчка. Однако почтенные современники его решили не писать об этом. Да ведь и в самом деле, кто, кроме детей и чудаков, поверит в маленького запечного музыканта и его волшебную скрипку?!

Однажды в году, как раз в тот день и час, о котором писал Леопольд Моцарт, вспоминая первый менуэт, разученный сыном, в Австрии вновь звучит удивительная музыка. Это в честь маленького Моцарта играют зальцбургские сверчки, и, слушая их, танцует за окном вечерний снег...

О ТАНЦУЮЩЕМ СНЕГЕ, О ВЕНЕ И СЕРЕБРЯНОЙ ШПАГЕ ПРИНЦА

Танцующий снег... Теперь он был не в маленьком Зальцбурге, а в большой прекрасной Вене, столице Австрии.

Ослепительно блистали старинные венские фонари, и в праздничном ореоле их блеска весело кружились робкие снежинки.

Впрочем, так было в конце путешествия. А в начале?

В самом начале Моцарты очень волновались. Правда, многие зальцбуржцы уже восторгались игрой мальчика. И всё-таки здесь, в Вене, всё внушало опасения. Было столько всяких «НО».

Но что скажет император?

Но что скажет императрица?

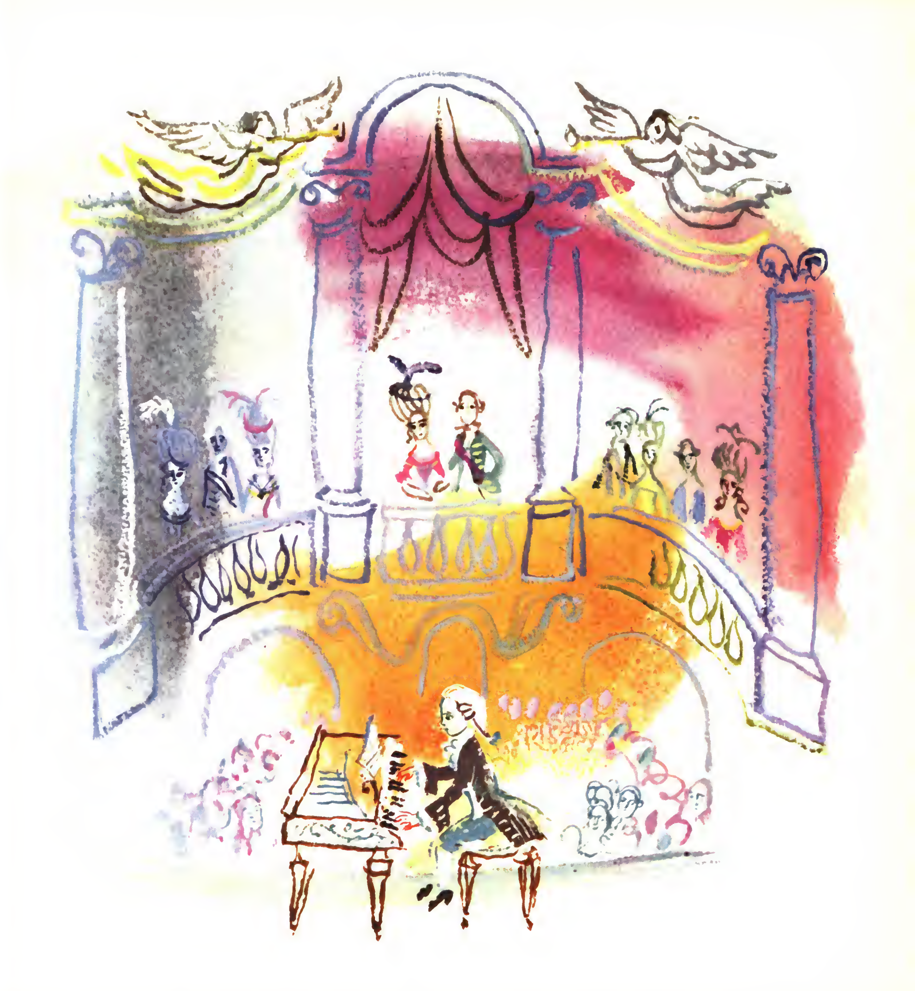
Но что скажут придворные?

И, главное, как отнесутся к Вольфгангу столичные музыканты?..

Однако все сомнения оказались напрасными! Маленький музыкант сразу покорил венскую публику! Вольфганг играл бесподобно. И, наверное, поэтому, когда кончилась

музыка, так долго длилось молчание: эхо звуков умирало в каждом сердце, и каждый, прислушиваясь к себе, ловил их последнее дыхание...

Но вот зал ожил, затрепетал, словно огромная бабочка! Взлетели вверх кружевные манжеты! Все говорили, вздыхали и повторяли без конца: «Прелестно! Прелестно!»

Так было вечером...

А утром... Утром произошло ещё одно удивительное событие!

Едва маленький Моцарт проснулся, едва открыл глаза, как вдруг распахнулась дверь и на пороге появился чопорный императорский лакей.

Осыпав комнату блеском позументов, он склонился в торжественном поклоне:

— За вашу прелестную музыку Её Императорское Величество жалует вам шпагу и платье принца!

Ах, какое прекрасное пробуждение! Словно кружатся, сверкают бесчисленные зеркала, и в каждом — лиловый камзол, и в каждом — серебряная шпага!

Нет, маленький Моцарт не может, не смеет этому поверить!

Но старший Моцарт рассеивает все сомнения. Роняя слова сквозь счастливые слёзы, он говорит:

— Это всё правда, правда, Вольфганг! Исполнилась мечта наша! Сегодня ты уже не какой-то неизвестный музыкант! Отныне ты — маленький принц австрийской музыки! Поздравляю тебя, мой мальчик!

Ну, вот и всё...

В день отъезда Моцарта, будто празднуя его блистательный успех, ярко сияли старинные уличные фонари, а вокруг кружился и кружился пушистый радостный снег! Смеясь, Вольфганг ловил его шпагой. Снежинки падали и застывали на ней нежными прозрачными цветами...

...Однажды такой белый цветок я нашёл в одной старой-старой книге. Там рассказывалось о маленьком музыканте, о старинных фонарях, танцующем снеге, лиловом платье принца и о серебряной шпаге...

И теперь, мой читатель, я поведал об этом тебе...

О ПРОПАВШЕЙ МУЗЫКЕ И ОБ ОРДЕНЕ «ЗОЛОТАЯ ШПОРА»

Известен ли тебе, мой читатель, знаменитый случай с римским папой и маленьким Моцартом?

Восторженные итальянцы до сих пор не перестают щёлкать языком и удивляться:

— Нет, вы только подумайте! Гордый первосвященник склонился перед талантом мальчика?!!

...Римский папа не признавал никого и ничего, кроме бога, себя и музыки. Да-да, музыки! Папа знал, как велика власть музыки над сердцами людей, и поэтому собирал и покупал самую прекрасную музыку.

Раз или два в год эта прекрасная музыка торжественно звучала в папской церкви. И тогда, точно весенние ласточки, взлетали вверх голоса хора, а холодный храм будто теплел и наполнялся ласковым светом!

А потом праздник кончался, всё меркло. Драгоценные ноты прятали в бархатную темницу — золочёную папскую шкатулку. Там она и хранилась до следующего праздника среди запахов засохшей вербены и сладкого ладана.

День и ночь два дюжих гвардейца стояли на страже, оберегая прекрасную музыку.

И если кто-нибудь случайно подходил к шкатулке близко, грозным предостережением стучали о каменный пол гвардейские алебарды: «Стоп! Стоп! Стоп!»...

И по сей день в Италии всё оставалось бы по-прежнему, но один поистине волшебный случай нарушил заведённый папой порядок. И было это так.

Как раз в то время в Италии выступал маленький Моцарт.

Однажды, гуляя по вечернему Риму, он забрёл в папскую церковь. Был праздник. Торжественная музыка сотрясала церковные своды,

пел хор, верующие молились. Никто не заметил прихода юного Моцарта. А он пришёл, послушал музыку и ушёл, так никем и не замеченный.

На другой день в папском дворце начался неслыханный переполох. Все бегали, суетились, стукались лбами и ахали: «Музыка! Пропала музыка! Прекрасную музыку похитили!»...

Виновником переполоха был маленький Моцарт. Однако он и пальцем не тронул шкатулку с драгоценными нотами! Будучи в церкви, он просто запомнил эту музыку — всю, от начала до конца!

Теперь её распевал весь Рим!

Ах, как негодовал римский папа! Он даже велел арестовать уши Моцарта, дабы впредь они не смели слышать то, что им не положено!

Две холодные алебарды

коснулись ушей мальчика! Две холодные алебарды теперь сопровождали его всегда и везде.

А римляне? Сначала они удивились. А потом, расхохотались! «Арестованные уши!» — смеялся весь Рим, вся Италия!

В испуге зазвенели колокола папской церкви. И тогда папа насупил брови и задумался... Он думал день, думал два, а на третий решил: «Лучше быть добрым, чем смешным». И маленького Моцарта не только простили, но и наградили орденом «Золотой шпоры», которым награждали только самых знаменитых и самых старых композиторов! А Моцарту едва минуло... двенадцать лет!

Радость Моцарта была огромной. Но гораздо больше его радовала благодарность людей. Он подарил им то, что они любили...

О ПОЕЗДКЕ МОЦАРТА В ПРЕКРАСНЫЙ ПАРИЖ

Париж!.. Наверно, это самый удивительный, самый сказочный город на свете! Возьмите хотя бы названия парижских улиц!

Улица СТАРОЙ ГОЛУБЯТНИ... Улица КОШКИ, ИГРАЮЩЕЙ В МЯЧ!

Парижане уверяют, что на этой самой улице родился знаменитый Кот в сапогах!

Он и теперь приходит ночью на эту узкую улочку, чтобы поиграть в золотой мячик. А люди открывают окна и ждут... Куда влетит мячик, к тому придёт счастье! Ну не сказочно ли это?!

А вот что писали в своих письмах иностранцы, которым посчастливилось побывать в Париже в те времена: «Сам воздух Парижа веселит нас!»

Более того! Говорят, что каждый отъезжающий увозил с собой в изящной вазе или кувшине парижский... воздух! И когда ему становилось грустно, он открывал сосуд и, вдохнув волшебный воздух старого города, начинал беспечно смеяться!

Как известно, парижане очень любят шутить. Когда Моцарт приехал в Париж, они его тоже восприняли как очаровательную шутку музыки. «Такой младенец и талантливее многих старых! Ну разве это не забавно?!» — смеялись парижане.

И, желая угодить добрым французам, Моцарт писал им сонаты, менуэты и, надев серебряный паричок, играл и играл свои бесконечные концерты, и вскоре о нём заговорил весь Париж.

А когда наступил Новый год и на колокольнях повисли серебряные нити, а в королевском дворце зажглись золотые свечи, Его Величество король Франции пригла-

сил мальчика на новогодний ужин.

В тот праздничный вечер Вольфганг Амадей Моцарт присутствовал во дворце как паж короля. И король Франции спрашивал своего юного пажа:

— Скажите, мой друг, что вы думаете о музыке?

И маленький Моцарт с поклоном отвечал:

— Музыка, Ваше Величество, это голос нашего сердца!

Король улыбался и милостиво кивал. А следом за королём улыбались и кивали все придворные.

Под утро, когда Моцарт выходил из дворца, поклоны сопровождали его до самой улицы. Но и на улице люди снимали шляпы и, с восхищением глядя на маленького музыканта, шептали:

— Смотрите, смотрите! Это Вольфганг Моцарт — паж Его Величества!..

Новогодняя ночь была поистине сказочной! Вольфганг шёл и от счастья тихо напевал. Но вдруг незатейливая мелодия внезапно оборвалась, Моцарт остановился! На набережной Сены, возле моста, стоял нищий мальчуган и, кутаясь в лохмотья, протягивал к нему посиневшую от холода руку.

Вольфганг стал торопливо шарить по карманам, хотя прекрасно знал, что не найдёт там и сантима. И тогда, решительно сдёрнув с себя бархатный пажеский плащ, накинул его на плечи нищего мальчугана и бросился бежать!..

Ему было нестерпимо стыдно! Что стоили его успех, его великолепие, когда на свете столько горя!..

«Музыка — это голос нашего сердца!» — сказал королю Моцарт.

Много позже, вспоминая о Париже, о маленьком нищем на набережной Сены, Моцарт сочинил ко-

лыбельную песню — воплощение любви и нежности. В ней были радость и грусть, печаль и надежда:

Спи, моя радость, усни,
В доме погасли огни,
Рыбки уснули в пруду,
Птички утихли в саду,
В лунный серебряный свет
Каждый листочек одет...
Глазки скорее сомкни.
Спи, моя радость, усни,
Усни, усни...
В доме всё стихло давно,
В кухне, в подвале темно,
Дверь ни одна не скрипит,
Мышка за печкою спит,
Кто-то вздохнул за стеной,
Что нам за дело, родной?..
Глазки скорее сомкни,
Спи, моя радость, усни,
Усни, усни...
Завтра ты будешь опять
Бегать, смеяться, играть.
Завтра тебе я в саду
Много цветочков найду,
Всё-то достать поспешишь,
Лишь бы не плакал малыш!
Глазки скорее сомкни.
Спи, моя радость, усни,
Усни, усни...

О ПЕРВОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОПЕРЕ, О ВЕЛИКОМ ГЛЮКЕ И МАЛЕНЬКОМ МОЦАРТЕ

...Однажды молодой австрийский император, пощипывая пышное кружевное жабо, неожиданно сделал рукой жест, напоминающий полёт дирижёрской палочки.

Придворные тотчас же поняли намёк своего императора и заказали Моцарту комическую оперу-буффа.

Что такое «буффа» или «буфф»? Пожалуй, это то же самое, что «уфф!» или «пуфф!». Так отдуваются от хохота зрители, когда им приходится видеть или слышать что-нибудь очень смешное и весёлое: «Уфф-пуфф-буфф!»

Однако на представлении оперы Моцарта посмеяться никому не пришлось. И хотя уже шли репетиции и театральные примадонны пробовали пружинки голосов, комической опере-буффа так и не суждено было подняться на сцену.

И знаете почему?

Знаменитые венские музыканты, все как один, выразили своё неудовольствие Моцартом. И самым важным среди них был Глюк.

Глюк был не просто музыкантом и композитором. Похожий больше на серебряный орга́н, чем на живого человека, он как бы олицетворял сам дух музыки! К сожалению, слава пришла к Глюку с опозданием. И теперь этот живой серебряный орга́н, как ребёнок, дулся на маленького Моцарта.

Злые умы истолковали недовольство знаменитого старика по-своему: великий Глюк не признаёт юного Моцарта!

И вскоре двери императорского театра закрылись перед удачливым маэстрино.

Рассерженный Вольфганг так стукнул по оперной папке, что ноты, словно птицы, разлетелись во все стороны! Жалкие и одинокие, они летели по всей Вене, опускались на

дома и деревья... Казалось, весь город справляет белый траур по маленькому Моцарту.

Среди всех нотных листков один оказался счастливым. Его поднял добрый доктор Месмер. Свернув листок подзорной трубой, он посмотрел на дом Моцарта.

Отчаявшийся Вольфганг стоял у окна и рисовал на нём пальцем бесконечные унылые кружочки...

Но вот в окно стукнула докторская трость, и кружочки, точно биллиардные шары, вмиг разлетелись! За распахнутым окном открылась площадь — весёлая, нарядная, ликующая!

— Вы видите, Вольфганг, как веселится народ?! — воскликнул Месмер. — Сегодня я заказываю вам новую оперу! Народную, с танцами!

«Народную оперу?! Да это же настоящее чудо! Будто огромная хлопушка взрывается каскадом разноцветных конфетти! Праздничные спектакли, бродячие цирки, ярмарочные балаганы!»...

Картины, одна удивительнее другой, возникали перед глазами — весёлые, волшебные, неповторимые!..

Такой неповторимой и вышла новая опера Моцарта «Бастиен и Бастиена» — по-взрослому смешная и по-детски трогательная.

Теперь даже самые закоренелые недоброжелатели и завистники таяли от восторга!

А старый, важный, знаменитый Глюк?

Говорят, он тоже был на первом представлении. Происходящее на сцене заворожило великого музыканта! Волнуясь, он не заметил, как превратил розовый листок оперной программки в крохотный лёгкий кораблик.

«О, это добрый знак!» — улыбнулся Глюк и, не дожидаясь, пока упадёт тяжёлый занавес, с восторгом воскликнул:

— Браво! Браво, Моцарт!

О СКАЗКЕ С ПЕЧАЛЬНЫМ КОНЦОМ

Озарённая блистательным успехом, жизнь маленького Моцарта была похожа на сказку.

Однако заглянем в итальянский город Болонью, на благороднейшую Страда Сан-Донато.

Там, в сумрачном здании старинной академии, на одной из стен, потемневших от времени, хранился когда-то портрет юного Моцарта. Удивительное творение! В обрамлении парадной красоты и лиловой торжественности — печальное и таинственное лицо мальчика. Маленький академик будто с тревогой ждёт чего-то, что-то предчувствует... Но что?..

Поведаю я тебе, мой читатель, одну историю.

Жил когда-то на свете сиятельный вельможа. И славился он в мире своей великой любовью к прекрасному. Лучшие картины, старинные гобелены, статуэтки и фарфор украшали его гостиную. Но не роскошные гобелены, не распахнутые, как солнце, веера, не молочно-румяный фарфор, а маленький живой музыкант — вот что было самым прекрасным в доме графа!

Серебряный паричок, лиловый камзол и крохотная шпага делали маленького музыканта похожим на изящную статуэтку. Сиятельный хозяин и его высокопоставленные гости не чаяли в игрушечном музыканте души! Особенно, когда он садился за клавесин и начинал играть. А играл он — чудо как легко и красиво!

— Сказочный гномик! Изумительная вещь! — сюсюкали напыщенные господа, сложив губы рюмочкой.

...Но время шло. Гномик рос, становился старше. И однажды, после игры, он встал посреди роскошной гостиной и сказал:

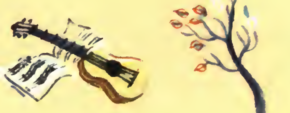
— Господа! Гномика больше нет! Взгляните, я совсем уже взрослый!

Бедный, бедный музыкант! Он ждал дружеских приветствий, сердечных поздравлений... Увы!

Сиятельный граф смерил его презрительным взглядом:

— Ну что ж, любезнейший,— сказал он,— коль вы перестали быть игрушкой, ваше место на кухне!

И музыканта прогнали прочь...

Вот какой печальный конец у сказки о маленьком музыканте, похожем на фарфоровую статуэтку.

Серебряный паричок, лиловый камзол и шпага принца...

Надеюсь, мой читатель, ты всё понял.

Да, это рассказ о нём, о маленьком Моцарте. Именно такой и была его жизнь, когда он возвратился в родной Зальцбург после долгих странствий.

Из блестящего мира концертных залов и сверкающих гостиных он сразу, будто оступившись, упал в лакейскую.

Так поступил с ним его хозяин — архиепископ. Иначе не могло и быть. Пока Моцарт был маленьким чудом, забавной игрушкой знатных господ, его любили и баловали.

Но взрослый он не мог без разрешения переступить порог аристократического салона. Там ценился не талант, а титул.

Всякий раз напыщенный мажордом, ударяя о пол жезлом, торжественно, словно внося новое блюдо, провозглашал:

— Его сиятельство князь!.. Его величество граф!..

А что он мог сказать о Моцарте?!

Внук переплётчика, бедняк из Зальцбурга. Да кто же будет ему кланяться? Кто станет уважать?..

Правда, возмущённый юноша писал потом, что чести и достоинства в нём гораздо больше, чем у любого графа. Да какой прок в тех высоких словах?!

Когда впервые гордый музыкант захотел сказать об этом вслух, секретарь архиепископа просто пнул его башмаком. И пока он падал, каждая ступенька мраморной лестницы отзывалась жестоким смехом архиепископского секретаря:

Безродный
му-
зы-
кан-
тиш-
ка!
Ха-
ха-
ха!..

Небольшое заключение

Итак, кончилось детство Моцарта. Кончилась сказка...

Началась другая, не похожая на сказку, взрослая жизнь.

Она началась с той поры, когда юный Моцарт последний раз простился с Зальцбургом и навсегда уехал в Вену.

Напрасно грустили о нём зальцбуржцы. Напрасно ждали его ночами запечные сверчки, настраивая свои волшебные скрипочки. Вольфганг так и не вернулся.

А вскоре почтовая карета привезла из австрийской столицы письмо. В нём торжественно извещалось: «Вольфганг Амадей Моцарт стал первым независимым музыкантом XVIII столетия!»

Теперь он подчинялся одной музыке. И только ей!

...Звучит музыка Моцарта. И светлеет мир, и пробуждается сердце, рвущееся навстречу счастью.

И если ты, мой читатель, успел полюбить маленького Моцарта и тебе не хочется с ним расставаться, послушай его прекрасную музыку...

MOZART

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Геннадий Михайлович Цыферов

ТАЙНА ЗАПЕЧНОГО СВЕРЧКА

Литературно-художественное издание

Рисунки Г. А. В. Траугот

Редактор Н. Постникова. Художественный редактор М. Салтыкова.
Технический редактор О. Кистерская. Корректор Н. Пьянкова.

ИБ № 3246

Подписано в печать с готовых диапозитивов 12.02.91. 60×108/8. Бумага офс. № 1. Гарнитура Школьная. Печать офсет. Усл. печ. л. 4,8. Усл. кр.-отт. 32,4. Уч.-изд. л. 7,12. Тираж 150 000 экз. Изд. № 10692. Заказ № 676. Цена 2 руб. 20 коп.
Издательство «Малыш». 121352, Москва, Давыдковская ул., 5.
Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Министерства печати и массовой информации РСФСР. 170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Ц $\frac{4803010201-104}{М102(03)-91}$ без объявл.—91

ISBN 5—213—01069—5